

Мятеж? Помесье Ханады под угрозой!

Магия на сцене, которую Мана демонстрировала, была уникальной – конечно не совсем магия, но близко к чему-то настоящему. Как можно было определить, что является магией? Поддавалось ли это объяснению? Жизнь полна загадок, о большей части которых люди даже не подозревают, поэтому для людей проще от них отмахиваться, чем попытаться их понять. Имея это ввиду, пришлось бы сильно потрудиться, чтобы понять нейтральную точку зрения Маны.

Выступление юной куноичи было сочетанием обычной магии, но предпочитала она использовать всё же ниндзюцу. Мана стремилась показать ниндзюцу как нечто особенное, чем просто как средство уносить или разрушать жизни. Вместо того чтобы четвертовать людей или сжигать их заживо, Мана хотела, чтобы её техники выглядели настолько впечатляющими, чтобы заводить аудиторию. Девочка гордилась своими подготовительными работами перед каждым выступлением, которое она доводила до совершенства.

Именно поэтому зрители, а именно подростки и дети, были очень впечатлены. Первым делом Мана сложила одну печать и выпустила безобидный поток чакры из ее рукава, внутри которого она активировала устройство, подбросившее колоду карт. Данная комбинация представляла собой фокус с левитацией карт в воздухе. Легким движением руки, Мана поймала каждую карту и начала их перетасовывать.

— Есть ли здесь добровольцы? Обещаю не превращать вас в какие-либо предметы, гипнотизировать или что-то подобное, — улыбнулась Мана, когда один ребенок вскочил и кинулся к ней. Он не был похож на фаната, он скорее горел желанием одурачить Ману и сорвать ее выступление. В Академии учили читать выражение лица, потому что для шиноби было очень важно в большой толпе отличать лица, излучавшие опасность, от тех, которые выражали невинность. Ее сэнсэй, вероятно, никогда бы не подумал, что Мана будет использовать это умение для магического представления...

— Спасибо, а теперь можешь выбрать любую карту, чтобы мы, наконец, смогли увидеть немного магии, — улыбнулась юная фокусница, быстро тасуя колоду карт. Достаточно грубым и мощным движением, подросток вытащил карту из кучи, и черноволосая фокусница ухмыльнулась уголком рта – такой ход ей на руку.

— Кажется кто-то вытащил Короля Червей? — заявила Мана, когда ребенок показал карту зрителям.

Этот прием не был предназначен для того, чтобы Мана продемонстрировала разнообразие своих фокусов, это был лишь разогрев, замысловатая психологическая уловка, нежели чем ловкость рук. Данный трюк заключался в том, чтобы зрители запомнили карту, которая была выбрана, и её местоположение в колоде, чтобы потом девочка смогла вытащить её мальчику во время перетасовки. Разум подростка рассматривал эту карту как особенную и потому в большинстве случаев на подсознательном уровне выбирал он именно её; если вдруг мальчик выбрал бы другую карту, у Маны было несколько запасных идей как развивать трюк дальше, но пока всё шло по плану.

— Мы на это не купимся, покажи нам больше трюков подобных левитирующим картам! — перебил её доброволец. Мана не особо хотела перенапрягать себя с использованием чакры, во время представления она обычно использовала три-четыре техники ниндзюцу или гендзюцу, это было все что она знала. Эти безобидные техники были её личным изобретением, созданные специально для магических представлений. Говоря откровенно, Мана не прошла бы тестирование в Академии, если бы не обладала точным контролем чакры для тренировки гендзюцу и возможностью изобретать свои внешне впечатляющие и одновременно безобидные техники.

Было странно, что Мана отказывалась использовать дзюцу, изобретенное не ей. Будучи артистом, ей было неловко воровать у других артистов, что крайне сложно удавалось не делать в Академии, потому что всё было сосредоточено на изучении стандартных техник. Едва ли они были легче в изучении, чем собственные техники Маны, потому что её техники выполнялись с использованием трюков и могли применяться в быту, в отличие от дзюцу. Однако не это служило причиной, по которой Мана не использовала дзюцу – это всё её колебание использовать техники, не принадлежавшие ей.

— Заткнись ты, Синдзиро, я наслаждаюсь представлением, — ответил Кодзи, сын человека, финансирующего Ману. Фокуснице было приятно, что сын Ханады, по крайней мере, получал удовольствие. Все же, честь артиста требовала расширять масштабы ее выступления и развлекать всех зрителей.

— Полагаю, я могу показать вам больше трюков с призывом, ведь я всегда ценю требовательных зрителей – это превозносит меня, — мягко улыбнулась Мана, при этом быстро складывая печати и глядя прямо в глаза добровольца. Внезапно мальчик сел на корточки и начал вести себя подобно обезьянке, издавая странные пронзительные звуки, прыгая на четвереньках и натываясь на мебель.

Дети, кружившие вокруг, не могли сдержаться, на тот момент они были как никогда счастливы, однако это тоже было психологической уловкой в сочетании с гендзюцу. Выполненная техника была любимой у Маны – «Дзюцу Модификации», однако если бы ее применили к другому зрителю, это бы досадило детям. Диалог между Кодзи и его другом, ищущего сейчас бананы в шкафу, показал, что Синдзиро много о себе возомнил и поэтому все хотели увидеть, как его проучат.

Прежде чем гендзюцу забрало всю её чакру, а её запасы наполовину опустели, Мана отпустила Синдзиро, который начал кричать на нее:

— Ты обещала не гипнотизировать меня! — Мана строила невинную мордашку и схватилась за голову:

— Неужели? Ты был бы умнее, если бы не доверял фокусникам. В наше время они делают все что угодно смеха ради... — Мана закончила часть своего представления и хотела приступить к самому главному, как вдруг поняла, что все ее выступление собиралось обернуться провалом.

Громкий стук разразился в комнате позади фокусницы, слышались резкие крики, множество голосов разлетелось по всему дому, они начали слышаться в каждой комнате, на каждом этаже. Должно быть взрослые закатали вечеринку раз пронзительные вопли женщин слышались этажом выше – поместье Ханады было под угрозой. Прежде чем дети с их фокусницей успели опомниться, дверь в комнату открылась и в нее ввалились четверо наемников, все одетые в униформу охраны Ханады. Дети успокоились, но все равно что-то было не чисто – мужчины бросились к Синдзиро, вернувшемуся в свое прежнее состояние, и Мане, заломили их руки за спины и приказали встать на колени.

— Ч-что чёрт побери происходит? Джунио, это ты? Что случилось? — начал психовать Кодзи, потому что люди, которые должны были его защищать, теперь связывали его руки и ноги.

— Малец, прикрой рот, это тебя не касается, это между нами и твоим подлым папашей, — ответил один из здоровяков. Охрана не промолвила ни слова, собрала детей и начала отводить их в комнаты наверх, больше походившие на чердак, по мнению Маны. Даже такой чердак у богатых людей заполненный произведениями искусства и дорогой мебелью продолжает оставаться обычным чердаком.

Наемники усадили детей и оставили за ними присматривать одного из своих, пока другие покинули комнату, не потрудившись запереть ее. В конце концов это были лишь дети, что они могли сделать взрослым и обученным наемникам? Ситуация складывалась не из лучших, Мана никогда не думала, что сегодня ей потребуются все ее боевые навыки и знания; орудия шиноби остались дома и все что у нее было с собой это принадлежности для трюков – искусственные цветы, колоды карт и тому подобное.

Кодзи выкрикнул наемнику:

— Ты предал моего отца! Ему не стоило нанимать такого болвана как ты, ты и твои дружки просто змеи подколодные!

Мужчина спокойно приблизился к Кодзи и встал на колени, сравнившись с мальчиком. Это было что-то! Кодзи заставил наемника сфокусироваться на себе, не давая ему смотреть на других детей. Возможно, мальчик не знал, что Мана была шиноби, но для начала это было лучше, чем ничего. Лучшим решением будет притвориться маленькой напуганной девочкой и пустить всё на самотек – Мана не была на миссии и не получала никакого приказа. Но всё же молча сидеть и смотреть, как других ранят, не в её стиле.

<http://tl.rulate.ru/book/59918/1981677>